

Записки Александра Анатольевича Турундаевского: вологодские священники на германском фронте (1914-1918 гг.)

В.Н. Матонин,

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, matoninv@yandex.ru

Автор статьи обращается к рукописным частным запискам А.А. Турундаевского, посвященным судьбе семьи сельских священников в первой половине XX века. В центре внимания – воспоминания о службе полковых священников в годы Первой мировой войны, осмысление которых позволяют автору говорить в целом о судьбе русской Церкви в начале XX века.

Ключевые слова: мемуары, военное духовенство, религиозное сознание, нравственное разочарование.

Для цитаты: Матонин В.Н. Записки Александра Анатольевича Турундаевского: вологодские священники на германском фронте (1914 – 1918 гг.) [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №3. URL: [http:// langpsy.ru/journal/2014/2/Matonin.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/2/Matonin.phtml) (дата обращения: дд.мм.гггг) Matonin V.N. Alexander Anatolyevich Turundayevsky's memoir: the Vologda priests at the German front (1914-1918) Jelektronnyj resurs «Jazik i tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 3. Available at: [http:// langpsy.ru/journal/2014/2/Matonin.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/2/Matonin.phtml) (Accessed dd.mm.yyyy)

Турундаевский Александр Анатольевич родился в 1900 году в селе Верхняя Шереньга Шенкурского уезда Архангельской губернии в семье священника. Учился в Вологодской духовной семинарии, но не был рукоположен из-за гонений советской власти на духовенство. Заочно окончил Вологодский педагогический институт. Работал учителем физики в селе Ротковец. В 1943 году был призван на фронт. Служил воспитателем в штрафбате. Был тяжело ранен. Одна пуля пробила легкое, а другая – задела голову. С поля боя его вынес один из бывших заключенных. Сказал: «Приложишь рану к земле – выживешь». После госпиталя до конца войны служил писарем. До начала 70-х годов работал в школе села Подюга Архангельской области. Он умер в 1973 году и был здесь похоронен.

В 1960-е годы, когда Н.С. Хрущев заявил, что ныне живущее поколение увидит последнего попа, Александр Анатольевич осознал, как личный человеческий долг, необходимость рассказать об истории своей семьи: священниках Турундаевских (по отцовской линии) и Беляевых (по материнской линии). Они служили в сельских приходах Вологодской губернии. В результате появилась объемистая рукопись, состоящая из восьми тетрадей, сопровождаемая рисунками и любительскими фотографиями. Эти записки хранятся у внучки Александра Анатольевича Мосягиной Татьяны Евгеньевны, жительницы Архангельска, 1964 г.р. Они были опубликованы автором этой статьи в книге «История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей» [5]. Письменные документальные свидетельства о прошлом, адресованные родным и близким или безымянным потомкам авторов, явление бесценное как человеческий документ и редкое как исторический источник. Мемуары Александра Анатольевича изобилуют фактами, точными цитатами, говорящими деталями. В частности, в мемуарах идет речь о службе братьев его отца

полковыми священниками на германском фронте в 1914–1918 годах [5, с. 188-193.]. Судьбы военного духовенства во время первой мировой войны до сих пор остаются в советской историографии почти не исследованной темой. Она казалась периферийной по отношению к событиям революции 1917 года и гражданской войны. Чем больше мы получаем ответов из прошлого, тем больше у нас вопросов к будущему. После издания записок А.А. Турундаевского стали известны публикации «Вологодских епархиальных ведомостей», дополняющие сведения о пленении немцами отца Афанасия (Турундаевского) и освобождении его из плена. Три статьи из губернской газеты за 1915 год косвенным образом подтверждают достоверность фактов, изложенных в записках Турундаевского, и засвидетельствованы иными историческими источниками.

Заботы, подвиги, просветительскую деятельность северного сельского духовенства невозможно понять и оценить вне общей духовной ситуации в России начала XX века. Церковная и светская печать указывали на кризисное состояние русского общества. В декабре 1904 года петербургский митрополит Антоний (Вадковский) направил Николаю II письмо «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». Высокопреосвященство просил ослабить государственный контроль над жизнью церковной. Он предлагал предоставить церковным приходам статус юридического лица, разрешить созыв совещания архиереев, представителей приходского духовенства и мирян, дать возможность священникам участвовать в работе земств, выделить места в Государственном Совете для представителей епископата. В аналитической записке С.Ю. Витте «О современном положении Православной Церкви» поставлен вопрос об отмене петровской церковной реформы, потому что Церковь «попала под мертвящее веяние сухого бюрократизма» [7, с. 243 – 252]. Председатель Кабинета министров предлагал покончить с кастовостью духовенства, рекомендует избирать священников прихожанами, восстановить соборное начало христианской жизни. Предчувствуя грядущие социальные катастрофы, обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев видел спасение страны в традиционности и неподвижности социальных структур. По его инициативе открываются новые монастыри, храмы, церковно-приходские школы. Небывалыми тиражами издается вероучительная литература. В 1914 году увеличивается жалование священников [4, с. 22]. Между тем, все эти меры имели запоздалый характер. Когда Временное правительство освободило военных от необходимости вести воцерковленную жизнь, процент причащающихся солдат, записанных православными, сократился от 100 в 1916 году до 10-ти в 1917 году [4, с. 34].

Александр Анатольевич вспоминает, что в начале XX века мужское население в сельской местности неаккуратно выполняло религиозные обязанности. «Некоторые крестьяне стали смотреть на исповедь, как на ненужный обряд и не хотели очищать свою совесть от грехов, пропуская исповедь до 10-ти и более лет...» [5, с. 224].

Дед Александра Анатольевича (Василий Турундаевский) был настоятелем Крестовоздвиженской Закубенской церкви на берегу Кубенского озера и слыл «многодетным батей». У него было 19 детей. Выжили 7-ро сыновей и 2-е дочери. Проповедями отец Василий не занимался. Верил в Бога без рассуждений и доказательств. В церковно-приходской школе преподавал Закон Божий. Время служения своего деда Александр Анатольевич называет «последним периодом крепости веры» [6, л. 12]. Еще действовали понятия «грех», «совесть». Священники вели регистрацию рождаемости и смертности, собирали статистические данные, служили в церкви, крестили младенцев, венчали молодых, отпевали стариков. Свидетелей в судах приводили к присяге. Вера в Бога была основой жизни, быта и общества. Большинство государственных должностей исполняли люди православного вероисповедания. Сыновья Василия Турундаевского – Афинадор, Николай, Александр, Анатолий (отец А.А.Турундаевского) и Афанасий в тяжелое для страны время добровольно пошли на фронт «полковыми батеньками».

Штат каждого полка включал в себя «попа» как штатную единицу. На эту должность епископы посылали видных собой и крепких физически священников. По-возможности, – не

имеющих семьи или вдовцов. Духовенство в армии пользовалось правами офицеров. Священник получал жалование, носил одежду офицерского покроя (шинель, летом – шляпу, зимой – шапку). В полевых условиях жил в отдельной палатке и при себе имел денщика из нестроевых солдат.

Русское воинство шло в бой под лозунгом «За веру, царя и Отечество!» Принимая присягу, солдаты целовали Крест и Евангелие. Основная задача «служителя культа» – поддерживать в войсках чувство патриотического долга, «умиротворяющее волнуемые сердца». Священники были одинаково близки к жизни солдат и командиров.

Многие офицеры формально исполняли церковные таинства. Устраивали кутежи с игрой в карты, раболепствовали перед начальством, деспотично и грубо вели себя с подчиненными, а священники говорили солдатам: «Повинуйтесь и покоряйтесь наставникам вашим, потому что они заботятся о вас». «Забота» проявлялась в зуботычинах и в мордобое.

Военные неудачи заставляли солдат все чаще задавать священникам трудные вопросы. Какому Богу молятся немцы? Какую веру исповедуют? Кому нужна война? Уже в начале 1917 года многие священники покидали воинские части.

Общие впечатления братьев Турундаевских о войне 1914–1918 гг. сходятся в том, что Россия не готова к столкновению с Германией. Уровень технической оснащенности немецких войск значительно выше. Одного патриотического духа для победы недостаточно. Отсутствовало взаимопонимание и доверие между солдатами и офицерами. Цель войны бывшим крестьянам оставалась непонятной. Они говорили: «В христианском законе сказано «не убий», а вы (попы!) благословляете идти в атаку, в рукопашный бой».

Размышления братьев Турундаевских о полковом духовенстве автор записок цитирует буквально, вспоминая встречу священников Афинадора, Николая, Александра и Анатолия.

«Дядя Доря (отец Афинадор):

– Я в армии, как Божья дудка. Служу обедни по праздникам, и больше от меня никакого дела нет. Проповедями сроду не занимался. Считаю, что они во фронтовой обстановке не нужны. Наша задача – поддержать настроение солдат верой. А как поддержать? – Мудрено. Вообще-то у меня не было таланта оратора. Зубов во рту нет. Правда, вставили мне протезы, да они не держатся. Я ношу их в кармане. Так вот я и решил: лучше ничего не говорить. Отслужил – да и набок. У солдат много вопросов, на которые если ответить, то на душе будет тоскливо. Умный солдат не спросит, а простачок будет мытарить: «Кому Бог поможет, если обе стороны просят о победы?» Острые на слово молодцы сразу могут осадить. Так подклинят, что лучше молчать, не связываться с разговорами. Офицеры – люди, в лучшем случае, безрелигиозные. Редко они посещали церковные службы. Мы – попы – нужны царю батюшке как укротители волнующихся масс. Господь, прости мне мои сомнения, мои согрешения!

Отец Николай:

– На нас, служителей культа, – возложена задача поднять настроение солдат. Не давать им задумываться и впадать в уныние, поддерживать надежду на лучший исход войны. Но это не Бородинский бой... Временами мы бываем главными. А что получается? Вот, например, братан Афанасий, поднял в атаку подразделение. Немцы опешили, увидев кресты и иконы перед собой. Не стали вступать в драку. Отступили. А затем окружили и в плен забрали. Люди ждут чуда, а сами в чудо не верят. Надо понимать, что на одном желании не получишь победы. Теперь рукопашная схватка не решает исхода боя.

Отец Анатолий:

– Люди тыла честно выполняют свой долг перед Родиной. Они отдают все силы фронту. Они – выдыхаются. От бессилия появляется уныние, упаднический дух. Ждут конца войны. Сельское хозяйство приходит в упадок.

Отец Александр:

– Вы, батя, не особо нужны на войне. Фронту нужны техника, снаряды, толковые полководцы. Время штыковых атак ушло. Теперь техника и стратегия определяют исход боя. Вы – Божьи дудки – там лишние. Это вы сами видите. От вас ваши командиры ждут, чтобы вы привезли из тыла в своих чемоданчиках «зеленого змия» для упокоения души...» [5, с. 280 – 281].

Один из братьев Турундаевских – Афанасий – попал в плен к немцам 14 апреля 1915 года. О том, как это случилось, рассказывает прапорщик Михаил Евгеньевич Сироткин. Его письмо было опубликовано в «Вологодских епархиальных ведомостях».

«Когда перед вторжением немцев в Курляндию на нашем фронте начались стычки, и в местечке Р. разгорелся бой, он [*отец Афанасий – В.М.*] попросился туда. Наши были окружены немцами. Значительный отряд мог быть уничтожен, так как большинство командного состава выбыло из строя. Отец Афанасий бросился туда, в сферу шрапнельного и пулеметного огня.

– Братцы! Я – впереди! У меня – святой крест, а ним – его святая сила!

И солдаты пошли за ним. В последний раз я видел его в том же фронте в день наступления немцев... В лоб мы немцев не пустили. Часам к 6-ти немцы успокоились. Наступило затишье. Силуэты их цепей исчезли из нашего поля зрения. В 8-ом часу мой телефон перестал работать. Я послал исправить линию, так как иной связи с начальником отряда не было. Посланный не вернулся. Мы встревожились.

В то время в нашем блиндаже появился отец Афанасий.

– Ну, вот я к вам с Господним благословением пришел.

И стоит поверх бруствера.

– Батюшка, спуститесь ниже!

– Ничего, я здесь постою. А вон, смотрите, кто-то идет.

Я поднялся, и на расстоянии шагов 150-ти от окопа, – это было уже около 10-ти часов вечера, и был молодой месяц, – увидел черный силуэт неприятельской цепи, заходящей к нам в тыл.

– Батюшка, уходите! Я сейчас открою пулеметный огонь. Они ответят, и Вы можете быть ранены.

Пока я говорил эти слова, мои прикрития и соседние цепи покинули фронтальный окоп.

– Господи, да ведь мы одни, – оглянулся я. Вокруг были 6-ро моих пулеметчиков, батюшка и фельдшер, бывший с нами.

– Ну, братцы, – мужайтесь! По цепи...!

Отец Афанасий вытаскивает крест. Мы с двумя солдатами целуем крест. Остальные вытаскивают пулемет, наводят при свете месяца. Германцы приближаются, крадучись.

– Уходите же, батюшка!

– Господь вас не оставит, – были последние слова его. Он исчез в ходе сообщения.

– Огонь! – и первая цепь немцев легла.

Как мы вышли из кольца, я не помню... Пули, проносясь мимо, обдували лицо, цеплялись за одежду. Помню только, что я все время твердил пяти своим солдатам эти ожегшие меня слова: «Господь вас не оставит!»

Когда я вышел к своим, первым вопросом было: «Где батюшка?»

–Его нет.... Отец Афанасий пропал без вести» [3].

Письмо смертельно раненого прапорщика М.Е. Сироткина говорит, в частности, о том, что в 1915 году настроения в армии были ещё далеки от разочарований.

Отец Афанасий попал в плен к немцам и возвратился из плена с партией инвалидов в составе 5-ти офицеров и 203-х нижних чинов 16 ноября 1915 года. «Вологодские епархиальные ведомости» в двух разных публикациях описывают его возвращение и рассказывают о жизни в плену. Офицеров и священника поместили в хлев и в течение долгого времени совершенно не кормили. Когда пленных погнали в баню, отец Афанасий через переводчика латыша стал просить разрешения снять с груди мешочек со святыми Дарами и Антиминсом. В ответ на эту просьбу немецкий фельдфебель постучал его кулаком по носу. В Тильзите отца Афанасия вместе с солдатами заставляли «проделывать муштру» [1]. За то, что поп находился в окопах вместе с солдатами, его остригли, как солдата, избивали, издевались над ним и кричали в уху ругательства. Кормили пленных только хлебом. Даже во время молитвы священника пинали, били, дергали за наперсный крест. Заканчивая рассказ, отец Афанасий сказал:

– Не судите строго попавших в плен. Репертуар людских слов слишком беден, чтобы передать те мытарства и унижения, которые переживают наши воины в плену.

Полковой батюшка просил сообщить обществу, что русские пленные крайне нуждаются в хлебе, сухарях и в сахаре.... «Продолжительный плен священник Турундаевский провел в Стральзунде и в Штетине, где утешал духовно русских пленных» [2].

Предельные обстоятельства пробуждают в людях высокие религиозные чувства, но при этом являются искушениями (испытаниями), которые не каждый человек способен преодолеть. Религиозное сознание воспринимает войны как наказание за отступничество и возможность искупления грехов. «Покаяние» в буквальном переводе с греческого языка – «*перемена ума*» – изменение отношения к совершенным ранее поступкам, прерывающее причинно-следственную связь, фатально умножающую зло. Солдаты вернулись с фронта и обратили оружие против власти, в которой для них соединились церковь и государство. Ответом Церкви на гонения, как и во времена первых христиан, стало добровольное мученичество. Преступления всегда имеют коллективный характер и в этом находят себе оправдание, а подвиг – это прерогатива личности: персональный ответ на вызов времени.

Литература

1. Возвращение из плена священника А. Турундаевского // Вологодские епархиальные ведомости, № 23, 1915. С. 611.
2. Издевательства германцев над пленным священником // Вологодские епархиальные ведомости, № 23, 1915. С. 612.
3. *Ордынский С.* Из предсмертного письма // Вологодские епархиальные ведомости, № 14, 1915. С. 377-378.
4. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: «Республика», 1995.
5. *Турундаевский А.А.* Наша семья // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX в. в письменных свидетельствах сельских жителей / комментарии, научная редакция В.Н. Матонина. Архангельск-Москва: ТСМ, 2011. С. 191 – 355.
6. *Турундаевский А.А.* Тетрадь № 2. Личный архив Т.Е. Мосякиной.
7. *Федоров В.А.* Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. М.: «Русская панорама», 2003.

Alexander Anatolyevich Turundayevsky's memoir: the Vologda priests at the German front (1914-1918)

V. N. Matonin,

PhD in history, editor-in-chief of the anthology «The Solovki Sea»,
associate Professor, Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia,
matoninv@yandex.ru

The author addresses to the hand-written private memoir by A.A. Turundayevsky, devoted to the destiny of a family of rural priests in the first half of the XX century. The memories about the priestly service during the World War I are in the center of attention. Understanding of it is allowed the author to describe the destiny of the Russian Church at the beginning of the XX century in general.

Key Words: *memoirs, military clergy, religious consciousness, moral disappointment.*

References

1. Vozvrashhenie iz plena svjashhennika A. Turundaevskogo // Vologodskie eparhial'nye vedomosti, № 23, 1915. S. 611.
2. Izdevatel'stva germancev nad plennym svjashhennikom // Vologodskie eparhial'nye vedomosti, № 23, 1915. S. 612.
3. *Ordyinskiy S.* Iz predsmertnogo pisma // Vologodskie eparhialnyie vedomosti № 14, 1915. S. 377-378.
4. *Pospelovskiy D.V.* Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v HH veke. M.: «Respublika», 1995.
5. *Turundaevskiy A.A.* Nasha semya // Istoriya ot pervogo litsa. Mir severnoy derevni nachala HH v. v pismennyih svidetelstvah selskih zhiteley / kommentarii, nauchnaya redaktsiya V.N. Matonina. Arkhangelsk-Moskva: TSM, 2011. S. 191 – 355.
6. *Turundaevskiy A.A.* Tetrads № 2. Lichnyiy arhiv T.E. Mosyakinoy
7. *Fedorov V.A.* Pravoslavnaya Tserkov i gosudarstvo. Sinodalnyiy period. 1700-1917. M.: «Russkaya panorama», 2003.